S 42/17 a

S 42
77

ЗАСЛУГИ

А. С. ПУШКИНА

ПРЕДЪ РУССКИМЪ НАРОДОМЪ.

А. С Кашпуревъ.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Горбунова, Крещатикъ, д. № 38.
1900.

S 42/17 a

ЗАСЛУГИ

А.С. ПУШКИНА

ПРЕДЪ РУССКИМЪ НАРОДОМЪ.

А. С. Кашпуревъ.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Горбунова, Крещатикъ, домъ № 38.
1900.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30 ноября 1899 года.

2007051045

Заслуги А. С. Пушкина передъ русскимъ народомъ.

Предъ зданіемъ нашей гимназіи красуется бюстъ—памятникъ А. С. П—на, поставленный нашей гимназіей, какъ скромная дань восторженнаго почтенія къ памяти геніальнаго поэта, оказавшаго величайшія несравненныя заслуги нашей литературѣ, успѣхамъ нашего просвѣщенія и русскаго народнаго самосознанія. Торжество празднованія столѣтія со дня рожденія П—на, имя котораго въ настоящій день съ благоговѣніемъ произносится милліонами устъ русскаго народа, есть торжество русскаго народнаго генія, апоѳеозъ величія русскаго народнаго духа: поэтическій геній П—на—это лучшій вѣнокъ, украшающій насъ передъ міромъ, дающій намъ одно изъ главныхъ правъ на имя великаго народа. „П—нъ наше все, говоритъ Аполонъ Григорьевъ, онъ единственный полный очеркъ народной личности, контурами набросанный образъ нашей народной сущности". По словамъ Гоголя, П—нъ есть явленіе чрезвычайное и можетъ быть единственное явленіе русскаго духа. Имя П—на для всѣхъ насъ русскихъ стало символомъ великаго творца и генія русской поэзіи, его произведенія составляютъ славу и гордость русскаго народа.

Что-же далъ П—нъ русскому народу? Въ чемъ заключаются заслуги поэта, стяжавшія ему безсмертіе и вѣчную признательность потомства?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти даетъ самъ поэтъ въ стихотвореніи „Памятникъ".

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Живая прелесть" стиховъ П—на открыла намъ неизсякаемыя сокровища нашего родного языка. Необыкновенная красота формы въ соединеніи съ простотою, ясностью и музыкальностью—эта характери-

стическая черта не только всѣхъ Пушкинскихъ стиховъ, но и его прозы ставитъ нашего поэта на ряду съ величайшими міровыми европейскими геніями стихотворнаго художества и творцами литературнаго слога. Произведенія П—на давно уже стали классическими образцами совершенства русскаго языка, на его твореніяхъ всѣ мы учимся родному языку и въ школьные дѣтскіе юные годы и въ зрѣломъ возрастѣ, и на старости лѣтъ, уже искусившись въ житейскомъ опытѣ, многіе все еще обращаются къ П—ну, ища спокойнаго эстетическаго наслажденія въ чудныхъ созданіяхъ геніальнаго поэта. Красотѣ формы у П—на вполнѣ соотвѣтствуетъ и красота созданныхъ имъ образовъ. П—нъ надѣленъ былъ особеннымъ даромъ, присущимъ ему въ такой мѣрѣ, въ какой никакому другому русскому поэту, ни до него, ни послѣ него, а можетъ быть и никакому другому поэту въ мірѣ, даромъ постигать и изображать красоту природы и человѣческаго духа. Всѣ самыя разнообразныя явленія жизни, въ которыхъ поэтъ чувствовалъ красоту, находили откликъ въ воспріимчивой душѣ поэта и въ творческой фантазіи его претворялись въ высоко-художественныя образы. Въ стихотвореніи „Эхо“ поэтъ такъ опредѣляетъ сущность своей поэзіи:

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поетъ-ли дѣва за холмомъ,
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и воловъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ-жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

Одна только область, говоритъ профессоръ Незеленовъ, оставалась для П—на закрытой, это та сфера жизни, въ которой нѣтъ красоты; въ ней онъ оказывается безсильнымъ. Бѣлинскій называетъ П—на художникомъ по преимуществу, поэтомъ красоты и гармоніи. Способность нашего поэта находить и чувствовать красоту тамъ, гдѣ мы ее обыкновенно не замѣчаемъ, особенно поражаетъ насъ и особенно трогаетъ насъ, когда онъ изображаетъ картинки обыденной русской дѣйствительности въ родѣ слѣдующей:

Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ.

Какой теплотой чувства, какой любовью къ родной странѣ вѣетъ отъ этой простой поэтической картинки. Вы сразу чувствуете родное, близкое вашему сердцу, о чемъ можетъ всякій русскій человѣкъ сказать:

Тутъ Русь живетъ,
Тутъ Русью пахнетъ.

Такъ-же просто изображенными, вѣрными дѣйствительности, доступными чувству каждаго представляются намъ образы, въ которыхъ П—нъ показываетъ намъ красоту души человѣческой. Возьмите любое изъ безчисленнаго множества лицъ, созданныхъ поэтомъ, въ душѣ каждаго изъ нихъ какъ бы оно низко не пало, вы найдете слѣды духовной красоты, благодаря чему къ падшимъ лицамъ у П—на вы невольно чувствуете состраданіе и желаете найти для нихъ оправданіе. Скупой рыцарь П—на потерялъ, кажется, все человѣческое, но оказывается, что въ немъ еще не угасло чувство чести и пробужденное обнаруживаетъ въ скупцѣ средневѣковаго благороднаго рыцаря. Въ такомъ высоко-гуманномъ представленіи человѣческихъ образовъ и заключается заслуга П—на, имъ самимъ созданная и выраженная стихами:

Чувства добрыя я лирой пробуждалъ...
И милость къ падшимъ призывалъ.

Нечего доказывать, что указанныя свойства поэзіи П—на имѣютъ огромное воспитательное значеніе. Бѣлинскій справедливо предрекалъ П—ну, что онъ будетъ поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовывать, не только эстетическое, но и нравственное чувство.

По словамъ того-же Бѣлинскаго никто, рѣшительно никто изъ русскихъ не стяжалъ такого неоспоримаго права быть воспитателемъ юныхъ, и возмужалыхъ, и даже старыхъ читателей, какъ П—нъ.

Имѣя въ виду ту же душевную, такъ сказать, сторону Пушкинской поэзіи Тютчевъ сказалъ о П—нѣ:

Тебя, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ гуманнымъ, благороднымъ, кроткимъ, мягкимъ чувствомъ проникнуты почти всѣ произведенія П—на. И нигдѣ не видно нытья, всюду бодрость духа, всюду слышится вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь, порывъ идти впередъ безъ страха и боязни, въ надеждѣ славы и добра, какъ бы ни былъ теменъ окружающій горизонтъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни.

Будучи художникомъ по преимуществу, творцомъ гармоніи и красоты П—нъ въ то же время поэтъ живой русской дѣйствительности, поэтъ народный, открывшій намъ Россію и въ коренныхъ самобытныхъ ея началахъ, и въ тѣхъ формахъ жизни, которыя пришли къ намъ съ запада. Воспользовавшись преданіями старины глубокой въ пѣсняхъ, сказкахъ и лѣтописныхъ памятникахъ, поэтъ прозрѣлъ дѣла давно минувшихъ дней и изъ „дыма столѣтій“ извлекъ образы и картины важнѣйшихъ знаменательнѣйшихъ моментовъ русской исторіи. Достаточно прочесть его „Бориса Годунова“ и по этому произведенію мы лучше, чѣмъ по научнымъ историческимъ книгамъ поймемъ весь складъ древне-русской жизни въ эпоху смутнаго времени, съ ролью народа, духовенства и боярства, съ образомъ верховнаго правителя Бориса, съ его стремленіями къ образованію и попытками служить народу. Пушкинскія изображенія народа, его пѣсни и сказки, его историческія сочиненія пробуждаютъ въ насъ интересъ къ изученію русской народности и исторіи и содѣйствуютъ развитію нашего самосознанія. Еще ярче и живѣе изображена П—нымъ современная ему жизнь, она схвачена въ такой полнотѣ и въ такомъ разнообразіи и такъ реально художественно, какъ не изображалось еще ниоднимъ писателемъ: и картины русской природы отъ Кавказа и Крыма до бѣдной деревушки, и деревенскій бытъ крѣпостной Руси, и жизнь тогдашнихъ помѣщиковъ и высшаго образованнаго общества—все это нашло себѣ яркое выраженіе во многихъ произведеніяхъ П—на и особенно въ извѣстномъ романѣ его „Евгеній Онѣгинъ“. Изъ этихъ произведеній мы узнаемъ, что къ простому народу П—нъ относится съ любовью и вполнѣ сочувственно: Поэтъ желаетъ народу свободы и просвѣщенія:

Увижу-ль я, друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, счастливая заря!

Въ народной душѣ поэтъ показываетъ присутствіе здравой мысли и высокаго нравственнаго чувства. Болѣе однако разносторонне и болѣе обстоятельно очерчена жизнь тогдашняго свѣтскаго общества или, какъ поэтъ называетъ его, тогдашней свѣтской черни. Всѣмъ еще со школьной скамьи извѣстенъ Онѣгинъ наизустъ и нечего объяснять великое значеніе этого перваго русскаго романа или указывать на громадное богатство содержанія, изъ котораго органически и послѣдовательно развился весь позднѣйшій романъ и повѣсть отъ Лермонтова до Тургенева и Толстого включительно.

П—нъ первый своимъ геніальнымъ художественнымъ чутьемъ подмѣтилъ два крайнихъ основныхъ русскихъ типа, сложившихся двоякимъ теченіемъ русской жизни послѣ реформъ Петра Великаго—одно продолженіе древне-русской жизни, другое, отрѣшенное отъ русской почвы, развивающееся подъ вліяніемъ запада. Представителемъ перваго направленія можно назвать Бѣлкина—это человѣкъ простой, добрый, смиренный, съ здоровыми, крѣпкими нравственными основами, но человѣкъ непосредственный, наивный и неразвитой, смиреніе переходитъ границы до преклоненія передъ всѣмъ чужимъ. Другой крайній типъ—Евгеній Онѣгинъ—это, по выраженію Достоевскаго, скиталецъ земли русской, образовавшійся подъ вліяніемъ запада, отторгнувшаго его отъ родной почвы и не давшаго ему никакихъ твердыхъ, путеводныхъ идеаловъ, отсюда разладъ, разочарованіе жизнью, эгоизмъ ставящій выше всего личныя прихоти и заставляющій смотрѣть на все свысока. П—нъ указалъ и выходъ изъ этихъ двухъ крайностей и намѣтилъ намъ нашу историческую задачу—это сліяніе указанныхъ теченій въ одну многоводную рѣку русской жизни. Художественнымъ образомъ такого сліянія является идеальный типъ Пушкинской Татьяны. Это типъ также не чуждый вліянія западно-европейской культуры, но типъ твердо стоящій на родной почвѣ, на высокихъ завѣтахъ своего народа. Татьяна поэтому несравненно глубже Онѣгина и стоитъ на недосягаемой для него нравственной высотѣ. Развивъ силы своего духа на воспринятыхъ началахъ европейской культуры, Татьяна остается простымъ, искреннимъ русскимъ человѣкомъ съ глубоко любящимъ сердцемъ и природнымъ инстинктомъ угадывать, гдѣ и въ чемъ правда. Пушкинскій Онѣгинъ и Татьяна стали прототипами культурныхъ героевъ и героинь лучшихъ русскихъ романовъ и повѣстей всей послѣдующей литературы: у Лермонтова Печоринъ, Вѣра, Мэри, у Тургенева Базаровъ, Рудинъ, Маша, Лиза, у Гончарова Обломовъ, Райскій, Ольга, Марѳинька, у Толстого Наташа, Анна Каринина и много

другихъ типовъ вы встрѣтите въ русской литературѣ прямыхъ потомковъ Пушкинскихъ героевъ. То, что Пушкинъ сумѣлъ своимъ художественнымъ чутьемъ схватить указанныя нами направленія русской жизни, показать ихъ крайность и опредѣлить историческую нашу задачу—это величайшая заслуга П—на не только какъ поэта народнаго, художника—реалиста, но и какъ великаго выразителя и истолкователя общественныхъ идей.

Въ роли пророка, призваннаго глаголомъ жечь сердца людей, П—нъ явилъ себя проповѣдникомъ независимости и свободы поэтическаго творчества, его великаго назначенія будить людей, явилъ себя проповѣдникомъ нравственныхъ обязанностей и гражданскаго долга, понимаемаго въ связи съ историческими основами народной жизни, проповѣдникомъ идеала царской власти, основанной на любви и покорности подданныхъ и милостиваго отношенія къ нимъ царя, и наконецъ проповѣдникомъ христіанскихъ идеаловъ любви къ Богу и ближнимъ.

Таковы характеристическія черты поэзіи П—на, составляющія его неоцѣнимую заслугу передъ русскимъ народомъ: П—нъ творецъ красоты и гармоніи, проводникъ гуманныхъ чувствъ и лучшій поэтому воспитатель грядущихъ поколѣній, П—нъ поэтъ народный, великій художникъ—реалистъ, вѣрный истолкователь общественныхъ задачъ и проповѣдникъ высокихъ, нравственныхъ, общественныхъ и религіозныхъ идеаловъ на историческихъ основахъ русской жизни.

Поразительная сила таланта и совершенно исключительная геніальность доставили П—ну еще при его жизни недосягаемое, выдающееся положеніе въ нашей литературѣ, какимъ не пользовался ни одинъ, ни изъ предшествующихъ, ни изъ послѣдующихъ поэтовъ; ни одинъ поэтъ не производилъ такого впечатлѣнія, какъ П—нъ, никого не читали съ такимъ интересомъ и жадностью, никѣмъ такъ не восхищались. Всѣ признавали силу поэтическаго таланта и чувствовали на себѣ обаяніе этой силы.

А теперь! Это необычайное, въ своихъ проявленіяхъ, по истинѣ поразительное воодушевленіе, охватившее всю Русь отъ края и до края, —это горячее чувство всеобщаго восторга, такою могучею волною поднявшее всѣ русскія сердца,—этотъ всенародный нашъ русскій праздникъ, такою свѣтлою радостью сіяющій на всѣхъ лицахъ, звучащій на всѣхъ устахъ,—это всеобщее стремленіе во всѣхъ городахъ, большихъ и малыхъ, во всѣхъ учрежденіяхъ—принесть свою посильную лепту на общее великое дѣло любви и почитанія своего незабвеннаго, без-

смертнаго генія—поэта,—не говоритъ ли все это, м.м. г.г., краснорѣчивѣе всѣхъ нашихъ слабыхъ рѣчей и похвалъ и о великихъ заслугахъ А. С. П—на, и о той славѣ, какую стяжалъ онъ у своего благодарнаго народа.

Да будетъ же слава эта славою вѣчною, неувядающею! Да свѣтитъ имя нашего великаго генія—поэта яркою путеводною звѣздою—къ объединенію всего русскаго народа въ одномъ великомъ чувствѣ своей мощи, въ сознаніи своего славнаго грядущаго,—къ просвѣтлѣнію нашего народнаго самосознанія и къ укрѣпленію нашихъ силъ на неизмѣнно вѣрное всепреданнѣйшее служеніе нашему Царю, великому поборнику всечеловѣческаго мира и нашему необъятному дорогому Отечеству!

А. Кашпуревъ.

2007051045